

© 2016 г.

**А.И. КУБЫШКИН, И.А. ЦВЕТКОВ**

## **ПЕТЕРБУРГСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”**

Период академической свободы, наступивший после окончания “холодной войны”, открыл перед петербургскими американистами широкие перспективы. Многие российские ученые, несмотря на уже дававшие о себе знать финансовые и организационные проблемы, испытывали определенную эйфорию и питали большие надежды на будущее. У американистов и, в частности, петербургских американистов, были на то свои, особые основания.

Во-первых, наконец-то было покончено с официальной идеологией, которая, в силу специфики предмета изучения, сковывала американистов сильнее, чем представителей многих других социальных дисциплин. Во-вторых, в российском обществе с каждым годом всё сильнее проявлялся острый интерес к опыту американской цивилизации, в его разнообразных проявлениях, от традиций ведения бизнеса и особенностей массовой культуры до развития технологий и устройства государственных институтов. В-третьих, окончание “холодной войны” совпало с новой фазой информационной революции, которая для жителей России сначала проявилась в падении пресловутого “железного занавеса”, снятии цензурных ограничений на перевод и распространение западной литературы, возможности свободно выезжать в зарубежные страны, а уже через несколько лет, практически синхронно с остальным миром, в России начали распространяться интернет-технологии, радикально поменявшие отношение к информации, способы ее восприятия и использования и открывшие перед социальными науками, и в частности перед американистикой, невиданные ранее перспективы. В-четвертых, потеря традиционными советскими академическими институтами “монополии” на науку и меняющиеся реалии в системе образования создали уникальное окно возможностей для формирования новых научных, образовательных и культурных центров, в том числе в сфере американистики. Именно в этот период возникли исследовательские центры и группы американистов во многих российских городах (Самара, Нижний Новгород, Волгоград, Тамбов, Курск, Иваново, Йошкар-Ола, Томск, Владивосток). Особняком в числе причин, затормозивших развитие петербургской американистики, стояли изменения в российской политической идеологии.

Последнее обстоятельство было для петербургских американистов особенно важным. На протяжении нескольких последних десятилетий существования СССР петербургская (а точнее, ленинградская) американистика обладала, используя популярный сегодня термин, “ограниченным суверенитетом”. В советский период академическая централизация, сосредоточение людских, финансовых и организационных ресурсов в Москве неизбежно превращали любой “немосковский” научный центр в провинциальный филиал, по умолчанию не способный претендовать на ведущую роль в определении научных приоритетов, книгоиздательской деятельности, подготовке кадров и т.п. Борьба за самостоятельность и самобытность, возможность создать собствен-

---

*Кубышкин Александр Иванович* – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

*Цветков Иван Александрович* – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

ную научную школу, сосредоточиться на изучении каких-то особых сюжетов (естественно, не выходя за рамки марксистской методологии) – всё это выступало движущей силой создания региональных центров американистики в СССР, но для ленинградцев состязание с Москвой имело еще и иной, более глубокий смысл. Как жители старой имперской столицы, ленинградцы всегда претендовали на особый статус во всем, а уж в сфере науки и образования и вовсе считали себя незаслуженно обойденными и даже обиженными.

Когда в разгар “холодной войны” в Москве власти приступили к институциональному оформлению советской американистики, формально как научной дисциплины, но по сути как орудия идейно-пропагандистского обеспечения глобального противостояния с Вашингтоном, им пришлось начинать это дело практически с чистого листа. А между тем серьезное изучение США началось в России еще задолго до революции 1917 г., и началось оно именно в Петербурге. Уже к началу XX в. петербургская американистика представляла собой вполне зрелое научное направление, представленное такими именами, как А.П. Лопухин, И.Х. Озеров, М.М. Ковалевский, П.Г. Межуев, А.В. Бабин, Н.А. Бородин. Бурные политические события помешали тогда ее становлению в качестве самостоятельной научной дисциплины. Революция 1917 г. практически разрушила традицию американских исследований в России, насчитывавшую несколько десятилетий истории, а большинство ученых либо эмигрировали, либо сменили род занятий, либо погибли.

И все-таки, когда вслед за Москвой ленинградское академическое сообщество также включилось в поддерживавшуюся государством программу изучения “основного соперника”, его представители сохраняли некоторую независимость и чувство исторической преемственности по отношению к своим предшественникам – дореволюционным петербургским американистам. По словам В.В. Носкова, “отдаленность от директивного центра, во-первых, и сохранение исследовательской культуры, унаследованной от старой петербургской школы, во-вторых, обусловили поддержание в среде ленинградских историков более творческого духа, чем в новой столице”<sup>1</sup>.

Здесь надо заметить, что именно история как научная дисциплина стала базовой для новой советской американистики. Это объяснялось и особым местом “исторического материализма” среди советских общественных дисциплин, и отношением к истории советских вождей, прежде всего И.В. Сталина, который с середины 1930-х годов уделял большое внимание советской исторической науке как важному и незаменимому инструменту идейной индоктринации. В результате большинство советских американистов и в Москве, и в Ленинграде, и в других региональных центрах были историками, занимались изучением США в соответствии с канонами “исторического материализма”, писали статьи, монографии и диссертации по таким сюжетам, как история классово-борьбы в США (рабочее движение, протесты фермеров, борьба чернокожих против рабства и сегрегации), история Войны за независимость и Гражданской войны в США (с особым вниманием к их социальным последствиям), роль капиталистических монополий во внешней политике США, история российско-американских отношений и т.п.

В Ленинграде ведущими центрами академического изучения США и подготовки американистов стали исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ), исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ) и Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ). Ленинградские американисты первого “послевоенного” призыва (Р.Ш. Ганелин, А.А. Фурсенко, В.К. Фураев) были выпускниками истфака ЛГУ. Большое влияние на их становление в качестве ученых оказал Б.А. Романов, известный ленинградский историк, окончивший Петербургский университет еще в 1912 г. и при-

---

<sup>1</sup> Носков В.В. Петербургская американистика: основные этапы развития. – Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки. 200 лет дипломатических отношений. СПб., 2009, с. 196–197.

вивший ученикам традиции петербургской исторической школы, в частности, “вкус к работе с первоисточниками”<sup>2</sup>.

К моменту завершения “холодной войны” Р.Ш. Ганелин, В.К. Фураев и А.А. Фурсенко оставались патриархами ленинградской американистики. В.К. Фураев более 20 лет (до 1996 г.) руководил кафедрой всеобщей истории ЛГПИ/РГПУ. В силу специфики аспирантуры этого вуза (ориентированной на молодых педагогов из регионов) именно В.К. Фураев стал научным руководителем многих талантливых исследователей из провинции, которые выбирали в качестве тем кандидатских диссертаций сюжеты, связанные с историей США, а после возвращения в родные города продолжали развивать это научное направление. Таким образом, В.К. Фураев в советский период выступил своеобразным транслятором ленинградских (петербургских) традиций изучения США на всё пространство СССР. А.А. Фурсенко в 1990 г. был избран академиком АН СССР<sup>3</sup>. Его аспиранты, представители “второго послевоенного поколения” ленинградских американистов В.Н. Плешков, В.В. Носков и С.А. Исаев составили ядро группы по изучению истории США в секторе всеобщей истории ЛОИИ. На историческом факультете ЛГУ проблемами периода войны за независимость США занимался Б.А. Ширяев, ставший в 1989 г. заведующим кафедрой новой и новейшей истории.

Научные итоги советского периода в развитии ленинградской американистики были весомыми, хотя, конечно, по количеству и разнообразию публикаций отставание от Москвы было весьма существенным. Несколько научных работ ленинградских американистов сохраняют определенное научное значение по сей день. В этом ряду можно упомянуть монографии А.А. Фурсенко “Американская революция и образование США” (1978), Р.Ш. Ганелина “Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г.” (1975), В.К. Фураева “Советско-американские отношения, 1917–1939” (1964), Б.А. Ширяева “Политическая борьба в США. 1783–1801 гг.” (1981), В.Н. Плешкова “Внешняя политика США в конце XVIII века (очерки англо-американских отношений)” (1984). Уже после распада СССР в Санкт-Петербурге был опубликован коллективный труд “Становление американского государства” (1992), который можно считать своеобразным итогом усилий ленинградских американистов по разработке ранней истории США.

Труды ленинградских американистов не были свободны от недостатков, свойственных не только советской американистике, но и советским общественным наукам в целом. Идеологическая заданность сюжетов, абсолютизация марксистских “непреложных законов общественного развития”, следование негласным стилистическим канонам исторического нарратива, принятым в СССР и убивавшим индивидуальность автора, – всё это в той или иной степени было свойственно и для работ ленинградских американистов, включая перечисленные.

Но после 1991 г. для всех них, включая “патриархов”, открылись новые горизонты и возможности для творчества. В качестве индивидуальных исследователей и американисты первых двух советских поколений, и представители третьего поколения, заявившего о себе уже после начала новой политической эпохи, добились в 1990–2015 гг. серьезных научных результатов. Только перечисление статей и книг, посвященных США и изданных в Петербурге в постсоветский период, заняло бы десятки страниц. Кроме того, в Петербурге возникло несколько новых центров по изучению США. Если судить только по количественным показателям, американские исследования в Петербурге на протяжении двух последних десятилетий переживали бум.

Вместе с тем более глубокий и детальный анализ происходивших процессов указывает на обратное: и старая российская, и советская традиции американских ис-

---

<sup>2</sup> Там же, с. 197.

<sup>3</sup> Вклад академика А.А. Фурсенко в развитие ленинградской и петербургской американистики, в том числе в период после окончания “холодной войны”, подробно рассмотрен в статье его коллег по СПбИИРАН: Ганелин Р.Ш., Носков В.В., Плешков В.Н. Академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008). – Новая и новейшая история, 2009, № 2, с. 194–206.

следований в Петербурге после 1991 г. не укреплялись, а напротив, размывались и растворялись, не замещаясь при этом чем-то новым и оригинальным. Чтобы убедиться в этом, обратимся к институциональной истории американистики на берегах Невы в постсоветский период.

Самым заметным новым научно-образовательным центром американистики, возникшим в Санкт-Петербурге после 1991 г., стала кафедра американских (до 2008 г. – “североамериканских”) исследований на вновь образованном (1994) факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета – и по сегодняшний день единственная кафедра американистики в структуре российских университетов. Инициатором ее создания (1996) выступил проф. Б.А. Ширяев<sup>4</sup>. Обучение на новом факультете было почти сразу переведено на двухступенчатую систему подготовки бакалавров и магистров, в 1998 г. был открыт прием на магистерскую программу “Американские исследования”, а первые аспиранты-американисты появились на кафедре уже в 1996 г. Факультет международных отношений в целом, и кафедра американских исследований в частности быстро превратились в одни из самых престижных подразделений СПбГУ.

Надо признать, что определенный ажиотаж, возникший вокруг новых образовательных программ, был своеобразным авансом, выданным преподавателям и научным сотрудникам факультета международных отношений. Срабатывала магия слов: “международные отношения”, “американские исследования” – эти формулы в сознании россиян 1990-х годов были эквивалентом новых, ранее запретных перспектив, открывшихся перед молодым поколением в результате падения “железного занавеса”. Неудивительно, что среди новых студентов-американистов было много детей представителей политической, культурной и академической элиты Петербурга и других российских регионов. Начиная с конца 1990-х годов кафедра американских исследований ежегодно выпускала около 20 бакалавров и 8–10 магистров. Таким образом, число дипломированных специалистов по США и Канаде (изучение которой также занимало существенное место в учебных планах), подготавливаемых Петербургским университетом, возросло в разы по сравнению с советским периодом. Естественно, только единицы из них поступали в дальнейшем в аспирантуру и продолжали заниматься профессиональным изучением американской проблематики. Тем не менее можно констатировать, что новый научно-образовательный центр в области американских исследований был создан и к началу XXI в. заработал в полную силу.

На базе факультета международных отношений СПбГУ проф. Б.А. Ширяев успешно реализовал и еще один свой проект в области американистики – Российско-американский семинар. В рамках этого научно-практического форума ежегодно, обычно в период знаменитых “белых ночей”, в Санкт-Петербург съезжались представители различных американских и российских университетов, специализирующиеся на различных аспектах американских исследований и российско-американских отношений. Частыми гостями семинара были как видные ученые и политики деятели из России и США, так и известные петербургские политики и общественные деятели.

Заседания семинара проходили обычно в течение недели, и один из дней, традиционно, отводился для докладов и дискуссий в области исследований американской культуры и литературы. На “филологических” заседаниях обычно председательствовала проф. Е.М. Апенко, заведующая кафедрой истории зарубежных литератур филологического факультета СПбГУ. Надо заметить, что подобное соединение в рамках одного научного семинара представителей различных социогуманитарных дисциплин было одной из первых попыток на петербургской почве придать изучению США междисциплинарный характер (в советские времена опытом такого рода была общегородская междисциплинарная “американская группа” на базе ЛОИИ). Это было тем более важным, что с 1950-х годов на филологическом факультете ЛГУ существовала сильная и довольно влиятельная школа изучения американской литературы.

---

<sup>4</sup> Отчеты о деятельности кафедры: *Ширяев Б.А.* Американистика в Санкт-Петербургском государственном университете. – Американский ежегодник. 2008–2009. М., 2010, с. 215–220.

Помимо кафедры американских исследований важной инициативой, приведшей к созданию еще одного центра изучения США в рамках СПбГУ, стала организация уникальной совместной образовательной программы с престижным американским колледжем Бард, штат Нью-Йорк (Bard College). Впоследствии, главным образом благодаря усилиям ее директора, историка-американиста В.М. Монахова (ученика В.К. Фураева), на базе программы был создан факультет свободных искусств и наук СПбГУ (2011), деканом которого стал бывший министр финансов РФ А.Л. Кудрин. Несмотря на тесное сотрудничество с американскими партнерами и выдачу выпускникам двойных дипломов (СПбГУ и Bard College), до сих пор на факультете свободных искусств и наук ввиду различных причин, главным образом бюрократического порядка, не существует специального профиля или программы American Studies, хотя многие преподаватели факультета на протяжении многих лет занимались и занимаются разработкой тем, связанных с историей и культурой США и российско-американскими отношениями. Заметим, что создание специальной программы (профиля) на факультете свободных искусств и наук СПбГУ, несомненно, расширило бы диапазон американских исследований в Санкт-Петербурге и придало им новый импульс.

Определенные шаги в направлении создания учебных программ и реализации научных проектов в области American Studies предпринимали в 1990–2000-е годы и представители других академических учреждений Петербурга. Еще одним местом встреч для российских и зарубежных американистов, помимо Российско-американского семинара, стала конференция “Russian-American Links”, организуемая в Петербурге с 2003 г. по инициативе Ю.П. Третьякова на базе нескольких научных и образовательных центров (Санкт-Петербургского академического университета, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества).

Центр североамериканских исследований и петербургское отделение российского общества изучения Канады были созданы в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, главным образом благодаря усилиям кандидата филологических наук Т.Р. Кузьминой. В.В. Носков, возглавлявший в 1996–2007 гг. кафедру всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, стал российским директором совместного российско-американского образовательного проекта для университетов Северо-Запада России. Инициатором проекта и директором с американской стороны был профессор Фэйрфилдского университета (Коннектикут, США) Дэвид Макфадден, известный в США специалист по истории ранних советско-американских отношений.

Этот проект, как и некоторые другие, реализующиеся в этот период в Санкт-Петербурге, финансировался госдепартаментом США. Можно утверждать, что программы, инициированные и финансируемые подразделениями американского правительства, внесли вклад в развитие петербургской американистики после окончания “холодной войны”. Десятки петербургских ученых смогли посетить США благодаря американским грантам, библиотека Американского культурного центра при генконсульстве США (впоследствии преобразованная в “Американский уголок” при одной из городских библиотек) помогала восполнять недостаток научной литературы, особенно в первые годы после окончания “холодной войны”. Настоящим “добрым гением” для петербургских американистов в этот период стала Т.И. Космынина, отвечавшая в отделе культуры генконсульства США за связи с научной общественностью. Благодаря ее энергии многим ученым Петербурга и других городов Северо-Запада России удалось установить контакты с американскими коллегами, приобрести бесценный опыт непосредственного знакомства с американской цивилизацией.

Импульс институционального роста American Studies в Санкт-Петербурге, порожденный перестройкой и окончанием “холодной войны”, начал демонстрировать признаки спада где-то начиная с середины 2000-х годов. Вместо необходимой стадии ускорения и перехода на новую качественную ступень развития петербургская американистика вступила в период стагнации и неопределенности.

Первым признаком этого можно считать так и не состоявшуюся консолидацию усилий разных групп исследователей, не нашедших точек соприкосновения и возможностей для сближения позиций. Извечная российская бюрократическая традиция, предполагающая жесткую конкуренцию за внимание начальства и доступ к контролируемым чиновниками ресурсам, определила внутреннюю логику развития, в равной степени, новых и старых центров American Studies, которые быстро превратились в негласных оппонентов друг для друга. Это можно было бы назвать здоровой конкурентной средой, если бы соревнование шло на уровне научных дискуссий и происходило внутри профессионального сообщества. Однако из-за того, что финансирование в большинстве случаев оставалось государственным, вопросы выживания и развития научных центров (особенно по мере роста бюджетных возможностей государства в 2000-е годы) решались не столько на ученых советах и кафедрах, сколько в чиновничьих кабинетах. Мотивы же чиновников редко заключались в продвижении новых методологий или развитии междисциплинарных связей.

Несмотря на то, что в научных центрах и университетах Санкт-Петербурга трудились в 2000-х годах десятки профессиональных американистов, им так и не удалось договориться об издании журнала, который мог бы представлять их достижения и служить площадкой для научного диалога. Публикационная активность петербургских исследователей США ограничивалась изданием сборников материалов разного рода конференций и семинаров, а также монографий и учебных пособий. Иногда статьи петербуржцев публиковались также в московских академических журналах. Именно свой журнал мог стать центром консолидации петербургской американистики, способствовать оформлению региональной научной школы, с особыми сюжетными и методологическими пристрастиями. Отсутствие такого журнала можно объяснить как организационными трудностями (сложностями с финансированием, нежеланием навлекать на себя гнев административных структур за “самодеятельность” – еще одно проявление российского бюрократического сервиллизма), так и объективными научными причинами, разобщенностью исследователей, которые не видели почвы для систематической совместной разработки каких-то общих тем и сюжетов.

Еще одним симптомом слабости новых структур петербургской американистики можно считать то, что они не смогли должным образом противостоять натиску бюрократических нововведений, поток которых захлестнул российскую науку и систему высшего образования на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. Под предлогом борьбы с “неэффективными вузами” и реализации правительственных постановлений о необходимости “модернизации” российской системы науки и образования с целью повышения ее конкурентоспособности на международной арене чиновники министерства образования стали помимо прочего реализовывать проект внедрения так называемых “компетентностно-ориентированных учебных планов”. Вскоре выяснилось, что учебные программы, подобные American Studies, с трудом вписываются в новую систему. К примеру, кафедру американских исследований на факультете международных отношений СПбГУ удалось сберечь (хотя и не без труда), но вместо последовательного четырехлетнего преподавания цикла дисциплин, связанных с США и Канадой, студенты-бакалавры теперь могли выбирать лишь небольшой “американский модуль”, преподаваемый в течение одного года.

Происшедшее приблизительно в это же время переименование кафедры из кафедры североамериканских в кафедру американских исследований, внешне выглядящее как ее расширение и укрепление за счет включения в учебные планы латиноамериканской проблематики (политическая актуальность которой для России на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. значительно возросла), оказало двойственное влияние на качество учебной и научной работы. Дальнейшее расширение предмета изучения, и без того страдающего от недостаточной определенности, привело к окончательному размыванию научных ориентиров и для студентов, и для преподавателей. Теперь под определение “американиста” мог попадать любой исследователь, так или иначе занимающийся развитием каких-либо стран двух американских континентов.

Идентификация американистики как дисциплины, занимающейся в первую очередь изучением Соединенных Штатов Америки, их истории и культуры, становилась всё менее и менее релевантной.

Особняком в числе причин, затормозивших развитие петербургской американистики, стоят новые тенденции в российской политической идеологии<sup>5</sup>, приведшие к реанимации антиамериканизма в российском обществе, а затем и к демонизации США посредством массивной пропаганды в средствах массовой информации. Соединенные Штаты вновь были провозглашены основным соперником России на международной арене. Процесс этот имел свои пики и спады, но достиг апогея в 2014–2015 гг., вследствие событий на Украине и нового кризиса в российско-американских отношениях. История советской американистики в годы “холодной войны” свидетельствует, что накал идеологического противостояния мог иногда даже не мешать, а, наоборот, способствовать развитию и дисциплинарному оформлению научных направлений, представляющих интерес для политического руководства. Следуя этой логике, нынешнее обострение российско-американских отношений также могло привести к расширению финансирования и повышенному вниманию к центрам American Studies со стороны властей. Однако властям зачастую была нужна не наука как таковая, а “правильная” наука, которая служит для подтверждения и пропаганды решений, принятых в правительственных кабинетах. Ученые, высказывающие сомнения в целесообразности одобренной свыше политической стратегии или предлагающие альтернативный взгляд на события, не могут в такой системе рассчитывать на внимание и поддержку.

Проблемой для постсоветских American Studies, в том числе в Санкт-Петербурге, стала их политическая неангажированность. А факт финансирования индивидуальных исследований, конференций и поездок в США подразделениями госдепартамента вызывал в новой ситуации массу вопросов и заставил чиновников относиться к существующим центрам американистики со всё большей настороженностью. С другой стороны, для многих петербургских американистов, особенно представителей старшего поколения, возвращение Америки в образе главного врага России было не столько идеологической проблемой, назойливым вторжением политических факторов в мир большой науки, сколько возвращением утраченного статус-кво, компенсацией не обошедшего и академический мир постимперского синдрома. Казалось, что после десятилетий разобщенности и методологических метаний наконец-то появилась почва для объединения, консолидации усилий научного сообщества в деле развенчания американского гегемонизма.

Дальнейшее развитие событий показало, что многие российские политики новой “антиамериканской” формации допускали целесообразность более внимательного изучения “вероятного противника” только после “расчистки поля”, устранения сформировавшейся, но не подходящей для решения новых задач институциональной структуры. До каких-то конкретных шагов в этом направлении дело к началу 2015 г. еще не дошло, но некоторые “инициативы снизу” уже стали проявляться очень заметно. Наиболее характерным примером здесь можно считать судьбу Российско-американского семинара, пережившего самые разные фазы развития отношений России и США в постсоветский период. Его расцвет пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов, когда в Петербург приезжали профессора из ведущих американских и европейских университетов, даже несмотря на довольно внушительный организационный взнос (от которого, кстати говоря, российские участники были освобождены). Затем этот поток стал постепенно иссякать, и в 2012–2014 гг. участники из США уже были на семинаре редкими и не очень-то желанными гостями. Вместе с тем в разгар украинского кризиса в мае 2014 г. семинар посетила большая делегация из Китая, так что,

---

<sup>5</sup> О влиянии этих процессов на российскую американистику в целом см.: *Согрин В.В.* Состояние и перспективы российской американистики. – Новая и новейшая история, 2014, № 3, с. 156–159.

как иронически заметил кто-то из участников, семинар из российско-американского можно переименовывать в российско-китайский.

Симптомом кризиса петербургской американистики во второй половине 2000-х годов стали и проблемы с кадровым воспроизводством. Несмотря на постоянный и даже растущий поток аспирантов, мало кто из молодых ученых выбирал темы по истории США и всерьез намеревался заниматься наукой после защиты кандидатской диссертации. В некоторых старых центрах американистики – таких, как Санкт-Петербургский институт истории РАН или исторический факультет СПбГУ – научное воспроизводство полностью прекратилось, всё держалось на кадрах, пришедших в науку еще во времена СССР. Руководство факультета международных отношений, желая повысить научный потенциал коллектива в условиях нарастающего бюрократического давления, избрало тактику приглашения известных специалистов из других региональных центров. Однако это не решило проблему и заставляло всерьез задуматься о перспективах развития дисциплины.

Таким образом, в петербургской американистике после периода эйфории и более или менее успешного создания базовых структур дальнейшее развитие затормозилось, и по состоянию на начало 2015 г. перспективы стали выглядеть туманными. Вместе с тем, хотя наука и живет в заданных институциональных рамках, она развивается через усилия ее индивидуальных творцов. Поэтому обратимся к вопросу о том, что же все-таки удалось сделать петербургским американистам за два бурных постсоветских десятилетия.

Пожалуй, самым серьезным вызовом, с которым столкнулись после 1991 г. петербургские американисты (особенно те из них, чье научное и политическое мировоззрение еще находилось в процессе формирования), был кризис творческой идентичности, исчезновение сколь-нибудь определенных и устойчивых ориентиров: куда, как и зачем двигаться дальше, что изучать, чем обосновывать свой интерес к той или иной теме. Ощущение практически безграничной творческой свободы было непривычным и в чем-то пугающим. Исчезновение идеологических ограничений, столь ожидаемое и желанное, оставило исследователей один на один с предметом своих изысканий и потребовало экстраординарных усилий по формированию новой системы методологических координат.

Быстро выяснилось, что простое обращение к опыту зарубежных коллег, заимствование тем, сюжетов и методов невозможно в силу ряда причин: и из-за неактуальности многих западных наработок в российских реалиях, и из-за сложности усвоения многослойного и противоречивого научного опыта западной цивилизации. В результате научные достижения российских авторов первых постсоветских десятилетий и в американистике, и в других социальных дисциплинах оказались итогом сложного сочетания индивидуальных исследовательских стратегий, попыток найти свое место в международном и российском методологическом контексте, конъюнктурных метаний в условиях финансовой и политической неопределенности.

Когда один из авторов этих строк поступал в 1996 г. в аспирантуру факультета международных отношений СПбГУ на кафедру североамериканских исследований, единственным пожеланием научного руководителя по поводу темы будущей диссертации было “выбрать что-нибудь, связанное с США”. В то время и в российской американистике, и в российской политике с трудом просматривались какие-то особые тематические предпочтения, связанные с Соединенными Штатами, поэтому ключевым критерием выбора темы оказалось популярное еще со времен перестройки изучение “белых пятен истории”. Так как в советской и российской литературе почти не было публикаций по тайваньской проблеме (Тайвань признавался частью Китая, и его специальное изучение считалось “нецелесообразным”) в качестве темы диссертации в итоге была избрана политика США в отношении Тайваня<sup>6</sup>.

---

<sup>6</sup> Цветков И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.



Впоследствии изучение внешней политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало одной из визитных карточек кафедры, многие преподаватели специализировались на различных аспектах этой темы (Я.В. Лексютина, А.В. Ковш, И.С. Ланцова, Н.В. Фёдоров, И.А. Цветков). Наиболее значимые работы были опубликованы Я.В. Лексютиной, которая в 2014 г. защитила докторскую диссертацию по американо-китайским отношениям<sup>7</sup>. В 2003 г. была создана магистерская программа “Исследования Тихоокеанского региона”, в рамках которой, впрочем, американская тематика была несколько заслонена страноведческими и общерегиональными сюжетами.

Еще одной особенностью подхода преподавателей кафедры американских исследований к изучению США стало повышенное внимание к внешней политике при гораздо более слабом интересе к внутривнутриполитическим процессам. Только раз в четыре года, в связи с очередной кампанией по избранию президента США, внутренняя политика становилась предметом внимания, но никаких фундаментальных исследований по этим вопросам не проводилось.

Что же касается изучения внешней политики США, здесь у кафедры было несколько зримых результатов. В 2006 г. Б.А. Ширяев опубликовал курс лекций “Внешняя политика США”, который выдержал несколько изданий<sup>8</sup>. В 2012 и 2014 гг. коллектив преподавателей кафедры подготовил две монографии по новейшим тенденциям во внешней политике США в период администрации Б. Обамы<sup>9</sup>. Особым направлением исследований на кафедре стало изучение публичной дипломатии США. Первые работы по этой теме были опубликованы Н.А. Цветковой в конце 1990-х годов, впоследствии она плодотворно изучала различные аспекты внешней культурной и информационной политики США, а в 2011 г. защитила диссертацию на соискание степени Ph.D. в университете г. Гронингена (Нидерланды). Ее перу принадлежит монография о советско-американском соперничестве в университетах Восточной и Западной Германии в годы “холодной войны”, изданная на английском языке в издательстве Brill (2013)<sup>10</sup>. В соавторстве с А.И. Кубышкиным, активно разрабатывающим также тему истории и современного состояния университетского образования в США и Канаде, она подготовила также учебник по американской публичной дипломатии<sup>11</sup>.

Можно заметить, что большинство работ преподавателей кафедры американских исследований СПбГУ либо имели заметный политологический уклон, либо целиком были выполнены в дисциплинарных рамках политологии. Это отражало общую тенденцию в развитии American Studies на факультете международных отношений, который в значительной степени был изначально ориентирован на изучение актуальных вопросов современной внешней политики. Тем не менее на кафедре удалось сохранить и классический, свойственный советскому периоду подход к американистике как дисциплине по преимуществу исторической. Здесь надо упомянуть прежде всего монографии Ю.Г. Акимова<sup>12</sup> и Н.В. Федорова<sup>13</sup>, а также учебное пособие “Американские историки”, опубликованное И.А. Цветковым в 2008 г.<sup>14</sup>

<sup>7</sup> Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011.

<sup>8</sup> Ширяев Б.А. Внешняя политика США. СПб., 2006.

<sup>9</sup> Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы. СПб., 2012; Вызовы и дилеммы внешней политики США в начале XXI века. СПб., 2014.

<sup>10</sup> Tsvetkova N. Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990. Leiden – Boston, 2013.

<sup>11</sup> Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М., 2013.

<sup>12</sup> Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005; *его же*. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010.

<sup>13</sup> Федоров Н.В. Идеи адмирала А.Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав в конце XIX – начале XX века. СПб., 2010.

<sup>14</sup> Цветков И.А. Американские историки. СПб., 2008.

Но в чистом виде классический подход к изучению США сохранился в Петербурге только в старых центрах, существовавших еще в СССР и переживших смену исторических эпох. В Санкт-Петербургском отделении института истории РАН (СПБИИ-РАН) А.А. Фурсенко, В.Н. Плешков, В.В. Носков и С.А. Исаев продолжали успешно работать над разнообразными исследовательскими проектами, от изысканий в области американской истории колониального периода до изучения вопросов истории и историографии российско-американских отношений. Особого упоминания заслуживают опубликованные в 1990–2000-х годах труды А.А. Фурсенко<sup>15</sup>, фундаментальная монография С.А. Исаева о Дж. Мэдисоне<sup>16</sup>, а также серия статей В.В. Носкова по истории русско-американских отношений<sup>17</sup>. В 1997 г. коллективом СПБИИРАН был опубликован “Словарь американской истории”<sup>18</sup>.

На историческом факультете СПбГУ проблемами истории США занимались В.А. Ушаков и С.В. Шершнёва. На протяжении последних десятилетий они опубликовали несколько монографий и множество статей, посвященных различным аспектам американской истории XVIII–XIX вв.<sup>19</sup> Защитивший на истфаке в 2001 г. кандидатскую диссертацию Р.В. Кондратенко опубликовал за год до этого монографию об испано-американской войне 1898 г.<sup>20</sup> Серьезным вкладом в изучение колониального периода американской истории стала вышедшая в 2014 г. монография В.М. Монахова и С.О. Мирочник, посвященная становлению американской государственности<sup>21</sup>.

Еще одно традиционное направление петербургской американистики – изучение истории американской литературы – представлено в последние годы именами преподавателей филологического факультета СПбГУ Е.М. Апенко, Э.Ф. Осиповой, А.А. Аствацатуровым и др.<sup>22</sup> Вопросами истории американской культуры и, в частности, живописи занимается Т.С. Юрьева<sup>23</sup>.

Подводя итоги, необходимо отметить несколько наиболее характерных черт петербургской американистики, позволяющих говорить о ее особом месте в структуре данной научной дисциплины в России, а возможно, и за ее пределами. Во-первых, несмотря на политические потрясения XX в., в Петербурге жива память о первом, дореволюционном периоде развития российской американистики, когда именно в столице Российской империи происходило постепенное формирование американских

---

<sup>15</sup> *Fursenko A., Naftali T.* “One Hell of a Gamble”: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964. New York – London; 1997; *Fursenko A., Naftali T.* Khrushchev’s Cold War. The Inside Story of an American Adversary. New York – London, 2006.

<sup>16</sup> *Исаев С.А.* Джеймс Мэдисон: Политическая биография. СПб., 2006.

<sup>17</sup> *Носков В.В.* Дипломатическая география: адреса американских дипломатов в Санкт-Петербурге, 1861–1918. – Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки: 200 лет российско-американских отношений. СПб., 2009, с. 46–104; Состояние и перспективы изучения истории русско-американских отношений досоветского периода. – Американский ежегодник 2008/2009. Отв. ред. В.В. Согрин. М., 2010, с. 123–132.

<sup>18</sup> Словарь американской истории. Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1997.

<sup>19</sup> *Ушаков В.А.* “Норма” и “патология” в поведении политика: Дж. Вашингтон в характеристиках современников и историков. – Представления людей о “норме” и “патологии” в процессе исторического развития: Материалы XXXI Всероссийской научной конференции. СПб., 14–15 мая 2012 г.; *Шершнёва С.В.* К вопросу о становлении системы высшего образования в Британской Северной Америке в XVII – нач. XVIII в. – Империи и Империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб., 2009.

<sup>20</sup> *Кондратенко Р.В.* Испано-американская война 1898 г. СПб., 2000.

<sup>21</sup> *Монахов В.М., Мирочник С.О.* Становление институтов власти в колониальной Северной Америке. СПб., 2014.

<sup>22</sup> *Аствацатуров А.А.* Генри Миллер и его “парижская трилогия”. М., 2010; *Апенко Е.М.* Понятие “афроамериканец” в российском/советском сознании. – Российско-американские связи: афроамериканцы и Россия. СПб., 2009; *Осипова Э.Ф.* Реализм в споре с романтизмом (Марк Твен, Чарльз Уорнер “Позолоченный век”). – Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Курск, 2013.

<sup>23</sup> *Юрьева Т.С.* Портрет в американской культуре XVIII века. СПб., 2001.

исследований как особой научной дисциплины (естественно, содержание и характер этой дисциплины имели мало общего с междисциплинарным направлением *American Studies*, возникшим в США в XX в.). Многие петербургские американисты до сих пор ощущают себя наследниками этой славной традиции – даже в большей степени, чем наследниками традиции советской, которая всё же больше ассоциируется с Москвой и региональными центрами. Во-вторых, на труды петербургских американистов большое влияние всегда оказывали и оказывают традиции петербургской исторической школы – особого течения в исторической науке, связанного с деятельностью целой плеяды петербургских историков XIX–XX вв., таких, как К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Е. Пресняков, Н.И. Кареев, Б.А. Романов и др. Его сущностными чертами принято считать категорическое неприятие разного рода социологического догматизма и особенно тщательный подход к анализу исторических источников.

Применительно к американистике это находило выражение, в частности, в поиске тем и сюжетов, исследование которых не ставило бы российских ученых в заведомо невыгодную позицию по сравнению с американскими коллегами из-за неравных возможностей доступа к историческим документам. Отсюда интерес к российско-американским отношениям, связанным с США аспектам исторического краеведения и т.п. Кроме того, можно утверждать, что настороженное отношение к универсальным и всеобъясняющим теориям в чем-то помогло ленинградским американистам сохранить научную идентичность в период господства исторического материализма.

И после крушения советской идеологии в академическом сообществе Петербурга было гораздо меньше энтузиазма по поводу разнообразных модных западных теорий, в частности, в сфере международных отношений. Так, большинство американистов кафедры американских исследований СПбГУ предпочитали работать в парадигме реализма не столько из-за неспособности усвоить нюансы более актуальных теоретических течений, но прежде всего потому, что им со студенческой скамьи прививали мысль о необходимости уделять основное внимание не теориям, а источникам. В-третьих, находясь вдали от столичного политического центра, петербургские американисты, особенно занимающиеся проблемами современного развития США, с одной стороны, были относительно автономны в выборе тем своих исследовательских проектов, а с другой стороны, в условиях отсутствия прямых директив и целевого финансирования были часто вынуждены полагаться на интуицию в определении политической конъюнктуры, в надежде на внимание и поддержку со стороны государственных структур. Довольно часто это вело к разочарованиям, так как инициативные проекты, пусть даже соответствующие политическому моменту, оказывались в итоге не замеченными и никому не нужными. Это способствовало формированию психологических комплексов, обостряло борьбу за ограниченные ресурсы, мешало консолидации ученых, представляющих разные организации и их структурные подразделения.

Можно заключить, что одной из причин кризиса петербургской американистики, наметившегося к началу 2010-х годов, стало неразрешенное внутреннее противоречие между большими амбициями старой научной школы и ее недостаточной востребованностью в новых политических условиях. Таким образом, известная еще с советских времен проблема “провинциализма” петербургской американистики не исчезла и через четверть века после крушения СССР. В сочетании с новой фазой политического антиамериканизма, экономическим кризисом и общим упадком российской системы науки и образования это повышает риск дальнейшей дезорганизации *American Studies* в Петербурге и утраты петербургской американистикой своего особого лица. Единственной надеждой остаются сами исследователи, которые продолжают заниматься в Санкт-Петербурге изучением США, несмотря ни на что, и по-прежнему видят в этом занятии смысл, значение и перспективу.